

ЖУРНАЛЪ
МИНИСТЕРСТВА
НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

СЕДЬМОЕ ДЕСЯТИЛѢТІЕ.
ЧАСТЬ СССХХХХVII.

1903.

М А И.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
СЕНАТСКАЯ ТИПОГРАФІЯ.
1903.

„гениальный“. „Полиглотъ писалъ въ возвышенномъ стилѣ и отличался гениальностью своихъ композицій. Картины же Діонисія и т. д.“. На этомъ я кончу съ своими замѣчаніями. Ихъ обстоятельность должна убѣдить читателя въ томъ, что сочиненію г. Фармаковскаго я придаю большое значеніе. Я не старался бы представить здѣсь рядъ посылныхъ поправокъ, дополненій и сомнѣній, и указать въ подробномъ анализѣ на недостатки историческаго метода г. Фармаковскаго, на несовершенство нѣкоторыхъ изъ его критическихъ приемовъ и на разныя болѣе мелкія упущенія и погрѣшности, если бы не держался того убѣжденія, что къ автору прекраснаго труда надо всегда предъявлять самыя строгія требованія.

А что разбираемый трудъ въ общемъ заслуживаетъ такого серьезнаго къ нему отношенія, въ этомъ для меня сомнѣнія не существуетъ. Я уже въ началѣ своей рецензіи имѣлъ случай отмѣтить положительныя стороны работы г. Фармаковскаго, имѣлъ случай говорить о старательности, прилежаніи и начитанности автора, о его владѣніи весьма большимъ матеріаломъ, о его художественномъ вкусѣ. Здѣсь въ концѣ своего разбора считаю долгомъ особенно еще подчеркнуть то, что на мой взглядъ является самымъ важнымъ результатомъ и главной заслугой тщательнаго изслѣдованія г. Фармаковскаго—а именно его удачную группировку аттическихъ краснофигурныхъ вазъ, добытую имъ на основаніи умѣлаго и тонкаго стилистическаго анализа. Все равно, будутъ ли признаны или отвергнуты хронологическія опредѣленія автора относительно господства и процвѣтанія каждаго изъ стилей вазовой живописи, его стилистическая группировка и оцѣнка дошедшаго до насъ матеріала сохранить свое значеніе, и эта группировка въ связи съ образцово составленными указателями заставятъ всякаго археолога пользоваться трудомъ г. Фармаковскаго, какъ настольной книгой. Отъ автора же этой работы возможно будетъ ожидать трудовъ, которые послужатъ еще болѣе цѣннымъ вкладомъ въ нашу науку.

Э. фонъ-Штернъ.

Д. Н. Овсянко-Куликовскій, проф. Харьковскаго университета. Синтаксисъ русскаго языка. С.-Пб. VIII+312.

Уже давно наша грамматическая литература нуждалась въ синтаксисѣ современной русской рѣчи, поставленномъ на научную почву. Наши отцы учились по „Гречу“, который составлялъ свою грамматику по Карамзинской прозѣ, мы—по Буслаеву, который изъ новыхъ

писателей всёхъ болѣе пользовался для своихъ примѣровъ Крыловымъ и Пушкинымъ, наименѣе дѣтскимъ нора считалъ классической русской рѣчью художественную прозу Тургенева, Гончарова, Достоевскаго, графа Л. Толстого.—Г. Овсяннико-Куликовскій широко воспользовался въ своей книгѣ выборками изъ этихъ писателей и обосновалъ ими нѣкоторыя изъ положеній своей грамматики.

Система, основная точка зрѣнія на синтаксическія явленія и весьма многіе примѣры, особенно изъ области древне-русскаго языка, у г. Овсяннико-Куликовскаго тѣ же, что у Поттебни, какъ онъ самъ неоднократно на это и указываетъ. Но въ смыслѣ практическомъ разбираемая книга будетъ несомнѣнно имѣть совершенно самостоятельное значеніе, благодаря, во-первыхъ, тому, что она представляетъ собою нѣчто цѣлое и систематически изложенное, не механически, а органически объединенное, во-вторыхъ, тому, что въ нее включены элементъ *живой литературной рѣчи* (которая въ наши дни начинается уже затираться новыми явленіями въ области литературнаго творчества и языка), и, наконецъ, въ-третьихъ, тому, что, благодаря хорошему изложенію, книга г. Овсяннико-Куликовскаго удобочитаема. Не могу не обратить вниманія и на то обстоятельство, что корректура книги была, повидимому, просмотрѣна академикомъ Коршемъ, который включилъ въ нее нѣсколько очень цѣнныхъ замѣчаній. Во всякомъ случаѣ недавно изданная компиляція книгъ Поттебни (въ отличномъ сокращеніи г. Бѣлоруссова) отнюдь не умалитъ значенія разбираемой нами книги. Не малымъ достоинствомъ книги г. Овсяннико-Куликовскаго является и то, что ее можно читать даже человѣку, лишь элементарно знакомому съ французскимъ и нѣмецкимъ языкомъ, тогда какъ „Историческая грамматика“ Вуслаева для плодотворнаго штудированія требуетъ хорошаго знанія греческаго; чтобы изучать Поттебню, надо быть знатокомъ литовскаго, не говоря уже о славянскихъ нарѣчіяхъ, и, наконецъ, много ли найдется счастливицевъ, которые извлекутъ изъ превосходной работы Ѡ. Евг. Корша „Способы относительнаго подчиненія. Москва. 1874“ хотя половину того, что она можетъ дать; для того же, чтобы критически относиться къ ней, надо быть Поттомъ или Габеленцемъ.

Цѣль, которую преслѣдовалъ почтенный харьковскій ученый, „попытаться, нельзя ли, наконецъ, проложить дорогу наукообразному синтаксису роднаго языка въ школу“, заслуживаетъ нашего особеннаго вниманія. Будемъ ждать общаго или сокращеннаго изданія съ хрестоматіей,—настоящее не имѣетъ характера учебника.

Въ основѣ книги г. Овсяннико-Куликовскаго лежитъ правило Потебни: „синтаксическую форму слѣдуетъ понимать и опредѣлять по ея современному синтаксическому значенію, а не на основаніи ея прежняго значенія или ея морфологическаго происхожденія“. „Прежнія значенія и морфологическое происхожденіе современныхъ синтаксическихъ формъ лишь принимаются во вниманіе для выясненія оборотовъ“. Такимъ образомъ новый синтаксисъ *объединяетъ* обѣ точки зрѣнія на изученіе языка: историческую, впервые научно обоснованную Гриммомъ, и психологическую, которую намѣтила Вильгельмъ Гумбольдтъ, а точнѣе опредѣлили Штейнталь и Пауль. Разсмотрѣніе книги показываетъ, однако, что вторая, субъективно-психологическая, сыграла въ трудѣ нашего автора значительно большую роль, чѣмъ первая. Проф. Овсяннико-Куликовскій даетъ намъ лишь выводы и примѣры въ историческихъ частяхъ своего труда, тогда какъ психологическая сторона его книги, т. е. выясненіе синтаксическихъ элементовъ нашей рѣчи въ томъ видѣ, какъ мы теперь ихъ чувствуемъ и понимаемъ, составляетъ, такъ сказать, ея душу. Синтаксисъ харьковскаго ученаго представляется мнѣ результатомъ самонаблюденія (частію непосредственнаго, частію отраженнаго, въ области современной литературы), которое производитъ филологъ, изучавшій исторію языка. Книга рѣзко отличается въ этомъ отношеніи отъ IV тома сравнительной грамматики славянскаго языка Миклошича¹⁾ или двухъ объемистыхъ частей сравнительнаго же синтаксиса, по индо-германскихъ языковъ, Б. Дельбрюка (Страсбургъ, 1897, ч. I, 795 стр.; ч. II, 560 стр.). Формулируя данныя самонаблюденія г. Овсяннико-Куликовскій *возводитъ ихъ къ опредѣленіямъ*. У объективистовъ нѣтъ мѣста для опредѣленій: они систематически подбираютъ данныя, и только,—выводы же ими лишь синтетически намѣчаются.

Одинъ изъ главныхъ источниковъ психологической грамматики: языковое чутье (*Sprachgefühl*), при всей своей цѣнности, имѣетъ, однако, и слабыя стороны.

Люди образованнѣе никогда не могутъ быть увѣрены, что они съумѣютъ въ данномъ случаѣ правильно отдѣлять свое непосредственное *чувство рѣчи* отъ своихъ же *грамматическихъ знаній*. У людей необразованныхъ это чувство допускаетъ большую неустойчивость, которая въ нашей психической жизни, подъ вліяніемъ изученія грамматическихъ системъ, иногда замѣняется *искусственною цѣльностью*.

¹⁾ Wien. 1883, ss. 893.

Современное значение синтаксической формы современного языка, которое г. Овсяннико-Куликовский кладет во главу угла своей книги, есть въ сущности нѣчто весьма неустойчивое, и центральная точка этого значенія иногда намѣчается нами ощупью. На чемъ зиждется, напримеръ, утвержденіе, что инфинитивъ есть для сознанія не отглагольное существительное, а глаголъ, или что *жалъ* нарѣчіе? Какъ мы увидимъ ниже, отсутствіе осязательныхъ, объективныхъ критеріевъ дѣлаетъ опредѣленія г. Овсяннико-Куликовского не всегда убѣдительными, несмотря даже на ихъ широту и гибкость.

Въ книгѣ двѣнадцать главъ, кромѣ введенія, посвященнаго понятію *синтаксической формы*, согласованія, управленія и предцированія.

Въ 1-й главѣ разсматриваются параллельно части рѣчи и части предложенія, три слѣдующія посвящены сказуемому, пятая—подлежащему, три главы далѣе второстепеннымъ членамъ предложенія, 9-я и 10-я частицамъ, 11-я элементамъ *виѣ*-предложнымъ (т. е. *виѣ* предложенія), 12-я видамъ предложеній. Последнія страницы посвящены общимъ выводамъ и добавленіямъ. Въ книжкѣ есть и указатель. Сдѣлаемъ обзоръ книги, приводя попутно замѣчанія.

На стр. 1-й читаемъ: „Всѣкому ясно, что, если бы онъ не владѣлъ синтаксическимъ употребленіемъ словъ, то онъ не могъ бы ни говорить, ни мыслить и былъ бы неспособенъ къ *умственному развитію*“. Краски слишкомъ густы. Надо еще доказать, что языкъ жестовъ всегда имѣетъ синтаксисъ, и что человѣческая мысль не могла бы развиваться, примѣняясь къ символамъ, ничего общаго съ синтаксисомъ не имѣющимъ.

Выясненіе синтаксической формы, которому посвящены первыя 8 страницъ, къ сожалѣнію, предполагаетъ у читателя довольно большую психологическую подготовленность. На самомъ дѣлѣ, понятіе *интервенціи*, развитое Гербартомъ и Штейнталемъ, усваивается не легко, и авторъ сдѣлалъ бы лучше, еслибы на него, какъ на основное для всей психологій рѣчи, обратилъ особенное вниманіе. Между тѣмъ изложеніе только вскользь касается этого термина.

Прекрасно сдѣлано опредѣленіе различныхъ степеней согласованія (стр. 10). Зато слѣдующія страницы, гдѣ авторъ пытается бѣгло очертить исторію категорій грамматическаго рода, показались намъ не столь интересными. Гриммъ въ своей художественной по тонкости попыткѣ въ этомъ родѣ не шелъ даже такъ далеко, какъ проф. Овсяннико-Куликовский: онъ говорилъ о трехъ родахъ, тогда какъ харьковскій ученый передаетъ домыслы о двуродовомъ періодѣ.

Между тѣмъ, что осталось отъ попытки Гримма (см. Delbrück а. а. о. I, 96 ff.)?

На стр. 16, при обзорѣи категоріи числа, сомнительна форма *пять кожницъ*. Я встрѣчалъ только *пять паръ кожницъ*; иначе ставятся только собирательныя: *пятеро сапей, трое очковъ*. На той же страницѣ въ числѣ именъ въ формѣ множественнаго числа, гдѣ чувствуется значеніе *собирательности*, находимъ *слизки, чернила, бѣлла*. Если подъ *собирательностью* (collectivum) авторъ разумѣетъ *цѣлостность частей*, то или опредѣленіе, или подборъ примѣровъ надо измѣнить.

По поводу формъ множественнаго числа для выраженія усиленія, большей выразительности, а также и отгѣнка собирательности, примѣръ кажется мнѣ не особенно характернымъ. На словахъ *трудъ* и *работа* можно лучше выяснить долгій отгѣнокъ. Сравни, напримѣръ, Богъ *труды* любить. *Работы* комиссіи кончены. Ну, *дѣла!* и съ другой стороны: *Труды* Вольно-экономическаго общества. Онъ издалъ нѣсколько *работъ*. Въ судѣ слушалось пять *дѣлъ*. Отдѣлъ, посвященный *предсцированію* или *сказуемости*, очень интересенъ. Вотъ какъ опредѣляетъ нашъ авторъ грамматическое предсцированіе (стр. 29).

„Грамматическое предсцированіе или *сказуемость* это процессъ мысли, состоящій въ томъ, что предсцированіе (существующее и въ языкѣ) апперципируется извѣстною грамматическою формою, въ результатъ чего является 1) своеобразная переработка этого акта, выражающаяся въ созданіи особыхъ синтаксическихъ формъ *сказуемости* и 2) образованіе грамматическаго предложенія, какъ особой формы мышленія, отличной отъ сужденія психологическаго (до-язычнаго) съ одной стороны и логическаго (надъ-язычнаго)—съ другой“. Чтобы оно могло послужить для учебныхъ цѣлей, въ этомъ [опредѣленіи многое придется измѣнить автору. Автору надо будетъ также иллюстрировать примѣрами психическое явленіе, которое онъ называетъ *перерожденнымъ волевымъ актомъ*, и домыслы о предсцированіи у животныхъ, какъ апріорныя, можетъ быть, и совсѣмъ оставить въ сторонѣ (стр. 28).

На стр. 35 слл. г. Овсяннико-Куликовскій² даетъ прекрасныя опредѣленія прилагательнаго, глагола и существительнаго или, точнѣе, выясняетъ ихъ сущность съ психологической точки зрѣнія.

Не воплиѣ точнымъ кажется мнѣ то, что авторъ говоритъ на страницѣ 40 о словахъ *съ внутренней формой* и словахъ *безъ внутренней формы*.

Что значить „слова, въ которыхъ *нєсть* признакъ, взятый для обозначенія цѣлаго“? Мы говоримъ теперь *электрическая конка* и *красная чернила*, слѣдовательно, признакъ наименованія въ данныхъ словахъ для насъ уже потускигѣвъ, сталъ *не нєсть*, но неужто эти слова должны считаться потерявшими внутреннюю форму? Я думаю, что небольшой экскурсъ въ область такихъ важныхъ процессовъ въ развитіи языка, какъ *катагресса*, съ одной стороны, а *народное этимологизированіе* (терминъ былъ бы точнѣе чѣмъ введенный Андреевымъ „народная этимология“, *Volksetymologie*), съ другой, былъ бы вполне умѣстенъ. Если совсѣмъ *новое слово конка*, въ силу катагрессы, тускигѣтъ этимологически, то, съ другой стороны, сознаніе говорящихъ надѣляется слова новыми признаками наименованія: наиримѣръ, слово *атлеть*, произносимое иногда въ просторѣчій *атлѣтъ*, вызываетъ въ умѣ представленіе объ *атлѣтъ* (ударъ на *отмашь*, нападѣніе съ *отмена*).

Очень цѣннымъ является на стр. 44 замѣчаніе академика О. Е. Корниа: вмѣсто признакъ признака (для опредѣленія нарѣчій) этотъ ученый предложилъ говорить *способъ (образъ) обнаруженія (проявленія) признака*. Кстати по поводу термина *нарѣчіе*. Въ началѣ книги г. Овсянко-Куликовскій пишетъ это слово, какъ мы все, *нарѣчіе* (стр. 32, 34, 43, 99) но потомъ почему-то переходитъ къ формѣ *нарѣчье* (197 et pass.). По моему это послѣднее написаніе неправильно, ибо слово *нарѣчье* есть заимствованное, церковно-славянское и происходитъ не отъ *рѣчь* въ смыслѣ *sermo*, а отъ *рѣчь* въ смыслѣ *verbum* — *adverbium*. Не болѣе правильными считаю я и сокращенныя формы *причастье*, *дѣе-причастье* (наиримѣръ, на стр. 97 et pass.).

Очень хорошо опредѣленъ у г. Овсянко-Куликовскаго характеръ предложеній, гдѣ не имѣется глагола, наиримѣръ, „Татьяна—ахъ!“. Онъ говоритъ: „въ мысли проявляется умственное ощущеніе необходимости глагола, мелькаетъ какъ бы чистая глагольная форма, и только въ силу быстроты рѣчи-мысли эта глагольная форма не успѣла наполниться опредѣленнымъ лексическимъ содержаніемъ. Здѣсь глаголь присутствуетъ—какъ форма, какъ грамматическая идея или категория глагольности и отсутствуетъ въ смыслѣ опредѣленного, точно обозначеннаго лексическаго значенія. Это отсутствіе, эта невыраженность лексическаго значенія есть въ своемъ родѣ особый способъ выраженія“ (стр. 52).

Но я совершенно не согласенъ съ г. Овсянко-Куликовскимъ

относительно грамматическаго опредѣленія такихъ словосочетаній, какъ извѣстное Фетовское стихотвореніе

Шошоть, робкое дыханье

Г. Овсяннико-Куликовскій пишетъ (стр. 54): „Не вставляя глаголки (что испортило бы все стихотвореніе), мы однако *сопровождаетъ эти существительныя умственными ощущеніемъ глагольной сказуемости*—потому только, что они дали намъ, какъ подлежащія“.

Я представляю себѣ процессъ совершенно иначе. Подлежащимъ я считаю *не названное, но живое ощущеніе ночи*. Ночь разбирается въ немъ мало-по-малу и по мѣрѣ этого *предсцируетъ* свое ощущеніе. Будь передъ нами *субъекты*: они были бы даны для предсцированія, и стихотвореніе потеряло бы не только прелесть, но и смыслъ.

Пушкинъ въ изображеніи Полтавскаго боя далъ еще болѣе яркій примѣръ такого предсцированія:

Шведъ, русскій, колетъ, рубитъ, рѣжетъ,
Бой барабанный, клики, скрежетъ...

Тутъ и имена абстрактной, и конкретной категорій, и личныя формы глагола,—но въ смыслѣ синтаксическомъ, если мы не захотимъ примѣнивать элементъ чисто формальный къ сужденію, составляемому съ точки зрѣнія психологической, то-есть, по отношенію рѣчи къ говорящему,—то найдемъ здѣсь одни лишь *предикаты*, или, точнѣе, одинъ *расчленяемый предикатъ*.

Ученіе о составномъ сказуемомъ изложено примѣнительно къ „Запискамъ“ Потебни, который, какъ извѣстно, съ особой тщательностью изслѣдовалъ этотъ коренной отдѣлъ русскаго синтаксиса.

Для русской учебной грамматики научное выясненіе синтаксиса причастныхъ и дѣепричастныхъ формъ особенно важно, потому что оно должно внести поправки въ ученіе о сокращеніи придаточныхъ предложеній, въ которомъ наши педагоги и авторы учебниковъ доходятъ до виртуозности, перѣдко мѣшая правильному развитію въ дѣтяхъ чувства рѣчи, и тѣмъ содѣйствуя обезличенію самой рѣчи учащихся.

Г. Овсяннико-Куликовскій хорошо выясняетъ въ своей книгѣ, что предложенія съ дѣепричастіемъ не получаютъ сокращеніемъ полныхъ съ *когда* и *verb. finitum*, а развились самостоятельно изъ старинныхъ предложеній съ составными сказуемыми изъ глагола и аппозитивнаго причастія (стр. 73 сл.).

Къ стр. 75, гдѣ авторъ упоминаетъ о формахъ какъ *уцѣль шудн*, *сидна сидѣть* и т. п., я позволилъ бы себѣ дополнить, что иногда (напримѣръ въ загадкахъ) дѣспричастія плеонастическихъ выраженій въ силу катахрезы *чувствуются существительными*. Напримѣръ, въ Сборникѣ Садовникова:

*Ходи ходитъ,
Въ избу не входитъ.* (Стр. 8, С.-Пб., 1876, ср. стр. 97).

Ср. въ Бѣлорусскомъ Сборникѣ Романова (т. 1, 2),

Виса висѣть, ходи ходи; приди сюда да за вису цапъ.

Едва ли можно сомнѣваться въ происхожденіи такихъ *фиктивныхъ* подлежащихъ изъ причастій. Иногда сюда присоединяется и осмысленіе: „*Мели, Емеля!*“ Вообще народная рѣчь представляетъ не мало примѣровъ *искусственнаго* заполнения *идеи предиката* или *идеи субъекта*, перевода нашу мысль на языкъ разбираемой книги. Интересно, напримѣръ, случай, который наблюдается въ одной онежской былинѣ (Гильфердингъ, № 48).

Остаелна есть оставст: на дороженки.

Относительно роли, которую играютъ въ предложеніи именныя формы причастія сравнительно съ мѣстоименными, была бы, можетъ быть, интересна аналогія съ древне-греческимъ. Въ сферѣ русской рѣчи авторъ освѣтилъ ее очень хорошо.

Инфинитивъ (такой терминъ устанавливаетъ профессоръ Овсяннико-Куликовскій вмѣсто *неопредѣленнаго наклоненія*) опредѣляется въ разбираемой книгѣ такъ: „Инфинитивъ есть глагольная форма, происшедшая отъ существительнаго отглагольнаго, выражающая лишь возможность отношенія къ лицу, которое (лицо) выясняется только въ контекстѣ, и служащая для *обобщеннаго* (?) обозначенія глагольности представленія (понятія), даннаго въ лексическомъ содержаніи слова“.

Выраженіе *обобщеннаго* нѣсколько смущаетъ читателя. Можетъ быть, скорѣе *нерасчлѣннаго*, *смыснаго*, *неопредѣленнаго*. Исторіей инфинитивныхъ формъ за ними утвердилась въ сознаніи идея возможности выразить и *повелѣніе*, и *условіе*, и дѣйствіе, относимое къ лицу, опредѣленному или неопредѣленному,—по такой *синкретизмъ* въ значеніи данной морфемы вовсе не предполагаетъ присутствія въ немъ логическаго момента обобщенности, синтеза.

Вмѣсто трехъ лицъ, различаемыхъ съ формальной стороны, въ синтаксисѣ профессоръ Овсяннико-Куликовскій отмѣчаетъ 5 лицъ;

четвертое называется *неопредѣленнымъ* и пятое *минимымъ*. Неопредѣленное лицо наблюдается въ такихъ случаяхъ какъ: *говорять, шипуть, просить не курить, тинше ѣдутъ, дальше будутъ*; надо бы было отнести сюда же, я думаю, форму *повелительнаго* склоненія въ смыслѣ *условнаго* (Приди и часомъ раньше, мы бы свидѣлись). Минимое встрѣчается въ безсубъектныхъ предложеніяхъ.

Мнѣніе Потебни о первоначальномъ и позднѣйшемъ значеніи прошедшихъ сложныхъ г. Овелянко-Куликовскій оставляетъ подъ вопросомъ. Впрочемъ едва ли можно сомнѣваться, что иногда формы *наль* и до сихъ поръ сохраняютъ значеніе *перфективнаго*. Либо *пань*, либо *пропаль*. *Купиль* (карточное выраженіе) или въ Загадкахъ Садовникова, 774: Красна, въ землю *тросли*.

Говоря о склоненіи повелительномъ и сослагательномъ (стр. 118 сл.), авторъ даетъ нѣкоторыя указанія на ихъ исторію въ аріевропейскихъ языкахъ. Странно, что при этомъ онъ не говоритъ, что въ русскомъ не сохранилось никакого слѣда отъ склоненія повелительнаго: въ смыслѣ повелительнаго употребляются формы желательнаго. Ср. Delbrück., а. а. о. II, 396; Mikl., а. а. о. 790). По поводу формъ какъ: „*скажи онъ прямо,—я бы понялъ*“, г. Овелянко-Куликовскій говоритъ, что здѣсь мы имѣемъ дѣло съ *минимымъ повелительнымъ*. Я думаю, что наблюденіе надъ фактами рѣчи могло бы установить нѣкоторыя ступени между повелительнымъ въ главномъ и повелительнымъ въ придаточномъ. Оттѣнокъ условности можно найти уже въ такомъ былинномъ сочетаніи предложенія какъ:

Ай-же Солнышко да Владиіръ князь да столье-кѣвской!

А спусти меня да во чисто полѣ.

А съажу сыщу я какъ стараго казака да Илью Муромца.

(Гильфердингъ, Оп. б. 2 № 69. ст. 381).

Академикъ Коршъ на 121 стр. замѣчаетъ по поводу соединенія формъ повелительныхъ совершеннаго вида съ отрицаніемъ, что въ нихъ замѣчается *отитльнокъ предостереженія*. Въ языкѣ былинъ, которымъ мнѣ приходилось заниматься, я замѣчалъ свободное употребленіе обоихъ видовъ, съ отрицаніемъ, но иногда и безъ оттѣнка предостереженія.

Вотъ нѣсколько примѣровъ:

„Не спросите у дверей придверниковъ.

„У ворюгъ не спросите приворотниковъ,

„Огнирайте вы двери на-ниту“. (Гильферд., № 138. ст. 705).

(Здѣсь можно видѣть отгѣнокъ предостереженія: *смотрите—не страшивайте, не суджайте спроститъ*).

Злой Мазюта сынъ Скурятъевичъ,

Не убей любезнаго племянника:

Не твой е кузь да не тебѣ и сысь (Гильф., № 165, 840).

(Предостереженія нѣтъ).

Ср. у Крылова:

Стенавушка, родной, *не видай*, милый!

При повелительномъ наклоненіи мы не нашли въ разбираемой книгѣ упоминанія о сокращенныхъ формахъ вроде: *цань, лванъ, толкъ*. Объ этихъ глаголахъ, играющихъ еще очень большую роль въ живой народной рѣчи (Сборникъ Садовникова стр. 48 *тринокъ*; 70—*брякъ*; 119—*грозъ*; 126—*цогъ*; 124—*стукъ*; 131—*бацъ, ширкъ*; 132 — *буръ-буръ-буръ* (съ переходомъ къ междометному значенію) можно бы было упомянуть по поводу примѣровъ изъ Достоевскаго на стр. 120. Для объясненія синтаксическаго значенія формъ *лванъ* и подобныхъ смотри Dellbrück, II, 397).

Статья о залогахъ и ихъ подраздѣленіяхъ (стр. 127 сл.) отличается большою сложностью. Во-первыхъ, даются два большихъ отдѣла. I *Дѣйствительный* залогъ и II *Страдательный* залогъ. Затѣмъ первый дѣлится на переходный и непереходный; въ свою очередь переходный заключаетъ въ себѣ глаголы переходные въ тѣсномъ смыслѣ и переходные въ обширномъ смыслѣ: *ниту* и *ицу*. Среди непереходныхъ различается семь разрядовъ. Дѣленіе это на нашъ взглядъ не вполне удачно. Остается невыясненнымъ признакъ переходности. Не только *я читаю книгу*, но и ипціи *проситъ милостыни*, и даже *Не рождай такъ безумно шить ниль*—все эти фразы заключаютъ, согласно дѣленію г. Овсяннико-Куликовского, глаголы *переходные*, съ другой стороны глаголъ *читать* въ предложеніи „*Я читаю всю ночь*“ будетъ глаголомъ непереходнымъ. Еще можно примириться съ послѣднимъ, если не дѣлать различія между словомъ и семемой вѣд, точнѣе, признавать, какъ Потебня, что слово получаетъ значеніе лишь въ контекстѣ, но что же останется отъ дѣленія глаголовъ на переходные и непереходные, когда съ такимъ же правомъ какъ *рождать* мы признаемъ переходность въ глаголахъ *зваться, добиваться, удивляться, разрыдаться* и т. д.

Въ четвертой главѣ говорится о существительномъ и прилагатель-

номъ въ сказуемомъ и ихъ замѣнѣ несогласуемыми частями предложія (стр. 154 сл.).

Весьма важно установленіе различія между фразами, какъ: *Онъ былъ кунецъ* и *Онъ былъ кунцомъ*, въ зависимости отъ различнаго значенія вспомоgetельнаго глагола. (Очень наглядны при этомъ таблицы формъ сказуемыхъ съ именительнымъ и съ творительнымъ 1) при отвлеченномъ *быть*, 2) при *полупотвлеченной* связкѣ (сидѣть, лежать, являться) и 3) съ знаменательною связкою (казаться, представляться, называться). Замѣчу, что *творительный* при отвлеченномъ *быть* въ настоящемъ времени встрѣчается и въ нашемъ языкѣ, хотя авторъ и отмѣчаетъ „Нить“. Развѣ нельзя спросить: Кто у васъ *старшимъ*? или Давно ли онъ у васъ *уберитаторомъ*?

Въ § 13 отмѣтены не точную параллель въ примѣрахъ: „Упалъ мертвый“ и „Упалъ замертво“.

Глава V говоритъ о выраженіи подлежащаго и его устраненіи. Число примѣровъ, гдѣ, вмѣсто именительнаго, стоятъ звательный, можно бы было весьма увеличить, указавъ на формы существительныхъ лирическаго характера:

Головицо у меня да что люто лохалицо. (Гильф. I, № 48).

Выходила бабницо (Ibid., № 90).

Ср. также:

И *Истре* царевичъ Золотичанинъ (Ibid., № 226).

Или:

Ай *Иванушко*, Иванушко Годиновицъ,

А поѣзжае что *Иванушко* женитисе. (Ibid., № 51).

Была Коровницо—обжорицо (Ibid., № 186, ст. 908).

Къ отдѣлу предложеній безубъектныхъ я позволю себѣ сдѣлать нѣсколько небольшихъ добавленій и замѣчаній.

Во-первыхъ, глаголы *ломить* и *болить* кажутся мнѣ скорѣ личными (*болить*, *ломить* что?).

Во-вторыхъ, рядомъ съ безубъектнымъ употребленіемъ словъ *несится*, *хочется* встрѣчаемъ въ народномъ языкѣ и обычное:

А нару то пень, друная *хочется*. (Гильф. I, № 225).

Темная *почечка* *несится*. (Сборникъ Садовникова, стр. 4).

Въ-третьихъ, есть ли безусловное основаніе считать формы *всегда* (ему стало *всегда*), *дурно* (въ комнатѣ *дурно*) нарѣчными?

Обращу вниманіе на распространенность описательной замѣны по-

добныхъ формъ (например, *нетрудно* доказать: *нетрудное* дѣло; *мудрено-ли* дойти: *мудреног-ли* дѣло и т. п.).

Итъ ли также аналогіи между: Воздухъ *душенъ*, Ночь *душна*, и просто *душно*?

Въ-четвертыхъ, при объясненіи формъ сложныхъ съ *не*—можно бы было воспользоваться примѣрами былинной рѣчи:

Хлѣба грѣснуть—ѣсть—*е кому*,

А за Кіевъ градъ постоять *не кому*. (Гильф., № 139).

А намъ *есть* кою послать Илью позвать (Ibid. № 47).

Тебѣ *е* съ кимъ розвѣздитъ добра кони

Тебѣ *е* съ кимъ ростолкать илечо богатырское (Ibid., № 2(и)).

Ай вороша убить *некакую* корысть получить (Ibid.).

Въ-пятыхъ, оборотовъ подобныхъ Ино *снять рубаники*, г. Овсяннико-Куликовскій подобралъ много. Добавлю такіе былинныя, въ которыхъ, какъ мнѣ кажется, истинный смыслъ выраженія видонъ *исне*.

Какъ *молодника* вѣдь *взять* да та *чужа* корысть (Гильф., № 171).

Старина сказать да *стародавняя* (Ibid., № 238).

Глава VI посвящена опредѣленію, VII—дополненію (образу вниманіе на маленькую неточность въ примѣрѣ на 245 стр. слухомъ не слышать; кажется, чаще *слыгомъ*; не правильнѣе ли также бы было вмѣсто *творительнаго усиленія* сказать творительный *илеонастическій*, ибо въ словѣ *усиленіе* заключается нѣкоторая неопредѣленность: усиленіе можно понять въ качествѣ подъема лексическаго момента: мчаться *птицей*, *вытвромъ*, *духомъ*? изъ *творительнаго отношенія* не слѣдуетъ ли выдѣлить *творительный ограниченія*), слѣдующая, VIII—обстоятельству.

Относительно видовъ предложенія замѣтимъ, что проф. Овсяннико-Куликовскій допускаетъ періоды, лишь какъ *сложныя* предложенія (стр. 299), въ чемъ расходится съ большинствомъ нашихъ учебныхъ руководствъ (Буслаевъ не вноситъ въ свою Историческую грамматику ученія о періодѣ).

Не усложняя своего и безъ того очень затянутаго разбора, я хочу передъ заключеніемъ его сдѣлать два маленькія дополненія, которыя пришли мнѣ въ голову при первомъ чтеніи книги, и которыя я забылъ отмѣтить при ея вторичномъ обзорѣ.

1. Г. Овсяннико-Куликовскій замѣчаетъ, что при числительномъ *два* существительное чувствуется нами теперь формою родительнаго падежа единственнаго числа. Я долго искалъ примѣра, который бы *наглядно* (III) это показывать, и нашелъ только одинъ:

Ай же ты, калѣка, катѣка переходжал!
 Молодца въ тебѣ въ два мѣся,
 А силы то у тебя въ три мѣся,
 А сжѣлости нѣтъ и въ полъ-мѣся. (Гильф. 1, № 144).

2. Нарѣчное выраженіе *риди* является загадочнымъ по своему происхожденію. Миклоничъ въ своемъ Этимологическомъ словарѣ относитъ его къ слову *ридь* (?). Нельзя ли видѣть въ немъ окаменѣлой формы прилагательнаго въ именительномъ падежѣ множественнаго числа?

Вотъ примѣръ, который мы находимъ въ былинахъ (Гильфердингъ 1, № 40):

Ай же вы старынъ вѣшки сѣдатын.
 Сѣдатын да переходжін!
 Радъ-ль вы товарища?

(Калѣка взято въ женскомъ родѣ, какъ обыкновенно).

Сговорятъ калѣки переходжін:
 Ай же ты старая, переходжая (про другого)
 Неужто мы вѣ-ради товарища (про себя въ мужскомъ родѣ).

III. Аппенденіи.

И. А. Заозерскій и А. С. Халатовъ. Новокавовъ Іоанна Постыника въ его редакціяхъ: грузинской, греческой и славянской. Съ предисловіями издателей. Изданіе Императорскаго Общества исторіи и древностей российскихъ при Московскомъ университетѣ. М. 1902.

Издатели предлагаютъ грузинскій (съ русскимъ переводомъ), греческій и славянскій тексты Канонарія Іоанна Монаха. Мы не рѣшаемся говорить ни о первомъ, ни о второмъ текстѣ и позволяемъ себѣ сказать нѣсколько словъ лишь о третьемъ.

Канонарій Іоанна Монаха извлеченъ профессоромъ Заозерскимъ изъ такъ называемой Іоасафовской (принадлежавшей митрополиту Іоасафу) Кормчей XV—XVI вѣка, хранящейся нынѣ въ библіотекѣ Московской духовной академіи, гдѣ онъ носитъ заглавіе: „Іоанна мниха, Чада послушанія, ученія св. Василія, о исповѣданіи различія и заповѣди исповѣдающихся втайнѣ грѣхи“. По словамъ издателя (предисловіе, стр. 58), этотъ Канонарій находится также въ такъ называемой Устюжской Кормчей XIII вѣка (Румянцевскаго музея). Иностранно, достаточно важныя причины побудили издателя воспользоваться позднѣйшимъ спискомъ, оставшимъ безъ вниманія древнѣйшій; по